

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Проблема топологии субъекта в европейском философском дискурсе

Рудковский Станислав Викторович

Аспирант

Сибирский федеральный университет, Историко-философский, Красноярск, Россия

E-mail: stanislavrudkovsky@yandex.ru

Исток философских размышлений о субъекте можно обнаружить уже в античной метафизике. Так Аристотель обозначает понятием "субъект" и индивидуальное бытие, и материю - неформленную субстанцию. Субъект в средневековой схоластике - нечто реальное, существующее в самих вещах (тогда как объект существует для неё лишь в интеллекте). *Картезианский переворот* в понимании субъекта заключается в том, что впервые в европейской философии произошел разрыв связи человека с природой, дезонтологизация субъективности, оформился рациональный философский субъект.

Однако уже Мартин Хайдеггер заметил, что Декарт, задав вопрос о субъекте, *не смог ответить на поставленный вопрос*. Мартин Хайдеггер подверг критике картезианскую концепцию субъекта, показав, что Декарт не смог целиком отринуть античную традицию и, вводя понятие субъекта, явился, по сути, продолжателем философской линии античной метафизики, то есть попросту провёл логический анализ высказывания "cogito, ergo sum", которое в картезианской доктрине выступило основой всех основ. Такой анализ подразумевает разложение простого суждения (в данном случае "мыслю, следовательно, существую") на логический субъект (понятие о предмете суждения – "я мыслю") и предикат (мысль об известной части содержания предмета, которое рассматривается в суждении – "я существую"). Хайдеггер замечал, что французский философ трактовал субъект этой фразы в слишком частном логическом смысле – как если бы кто-то вдруг стал утверждать, что белый цвет существует только потому, что живёт конкретный носитель белого цвета. Не было бы носителя – и цвета не было.

Иными словами, Декарт поставил вопрос: *что такое ego?* Но вместо того, чтобы ответить на него, попытавшись описать это ego из некоего опыта самопознания, он пленился этим и забыл пересмотреть основные концепции античной метафизики. Декарт не обнаружил субъект, утверждал Хайдеггер, он, наоборот, заблокировал выход на него, создав препятствие для дальнейшего развития философии в том, что касалось понимания субъекта.

Хайдеггеровская мысль с ее пафосом преодоления метафизики, являет собой попытку соединения различных философских теорий в связную историю субъективности. Тем не менее, Хайдеггер упускает из своего внимания целый ряд представлений о субъекте, возникших в лоне европейской философии. Например, Хайдеггер не уделяет внимания английскому эмпиризму, представители которого разрабатывали открытость субъекта миру и потому не вошли в хайдеггеровскую схему развития субъективности. Точно так же он, по сути дела, слеп к кантовскому критическому субъекту, который проблематизирует cogito Декарта, раскрывает его иллюзии и тем самым стремится поставить под контроль практического разума [2]. Отсутствие интереса к этой стороне дела объясняется онтологическим истолкованием феномена субъективности в качестве присутствия (anwesenheit) и пониманием истории европейской метафизики (начиная с Платона) как движения к *забвению бытия*.

Важнейшим эпизодом в так называемом “новом споре о субъекте” стал выход в свет работы Винсента Декомба “Дополнение к субъекту. Исследование феномена действия от собственного лица”. Декомб не стал ограничиваться констатацией пустоты субъекта (“смерти субъекта”, давно ставшей общей темой постмодернистского дискурса) и решил подойти к вопросу о субъекте с привлечением дополнительного лингвистического анализа категории дополнения, опираясь на идеи структурного лингвиста Люсена Теньера. Теньер полагал, что традиционная грамматика, в которой субъект действия противопоставляется объектам (дополнениям), не позволяет схватить истинные структурные характеристики фразы. Наибольшее синтаксическое различие проходит между глаголом и его дополнениями, причем субъект действия может рассматриваться как одно из дополнений глагола. Ведущая и решающая роль в управлении принадлежит глаголу. Если мы это примем, исчезнут многие трудности в интерпретации семантики возвратных глаголов и местоимений, которые так впечатлили Рикера и повлияли на его учение о рефлексии как о реальном действии, а не умозрительном конструировании [3]. Отрешившись от этих трудностей, Декомб делает простой вывод: субъект может быть представлен как дополнение агента. “Такой субъект должен иметь черты, необходимые, чтобы играть роль агента, надлежит его идентифицировать не только как индивида, присутствие в мире способом каузальной возможности. Этот субъект имеет все черты субстанции или, если использовать традиционный технический термин, “подкладки”. Субъект раскрывается здесь скорее как аристотелевский, нежели чем как картезианский” [1]. Декомб старается показать, что если есть необходимость в субъекте, понятом как субъект предикации, если понятие субъекта принимается в смысле бытия агентом, тогда у нас нет необходимости использовать понятие субъекта в смысле отношения к себе, принятое в философии модерна.

XX век ознаменовался бурными философскими дискуссиями, предметом которых явился субъект. Мыслители очень активно обсуждали эту тему. Современная философия создала множество концепций, так или иначе посвященных проблематике субъекта. Освящение основных моментов этих концепций, и проблематизация местоположения субъекта в европейском философском дискурсе, составляют главный посыл представленной работы.

Литература

1. Декомб В. Дополнение к субъекту. Исследование феномена действия от собственного лица. М., 2011.
2. Рено А. Эра индивида. СПб., 2002.
3. Рикер П. Я-сам как другой М., 2008.
4. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.